

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, has dark hair, a beard, and a serious expression, wearing a black t-shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and blue eyes, wearing a white dress. She is looking directly at the camera, and the man's hand is gently holding her neck. The background is dark with red, glowing, shattering glass-like fragments. The title is in large, stylized red letters at the bottom, and the actress's name is in white at the top right.

НИНА
СЕВЕРОВА

В ОБЪЯТИЯХ ЕГО

ЩЕСТОКОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нина Северова

В объятиях его жестокости

«Автор»

2026

Северова Н.

В объятиях его жестокости / Н. Северова — «Автор», 2026

Возвращаюсь в дом, девчонка сидит на диване, голова опущена. Так странно она выглядит здесь. В моей берлоге, в которую я никого не пускаю. И ей здесь не место, как и в моей жизни. Я мог воспользоваться ею один раз, а, может, больше. Утолить голод, только не в этом дело. Не ту жажду она во мне будит.— Не отпустишь? — спрашивает тихо. Снимаю ботинки, ложусь рядом. Ксюша прерывисто дышит, опять боится. Смотрю, пожираю глазами. Красивая. Нравится мне. И пахнет от нее приятно. И вся она такая, хочу подмять под себя. Будь во мне хоть капля жалости, я бы отпустил ее. Со мной опасно быть. Смертельно. Но раз всё так сложилось, что она попала в мое логово...— Не отпущу.***Ксюша просто оказалась не в то время и не в том месте. Через нее хотели задобрить его, но лишь разбудили ещё более опасного зверя. Батыр — жестокий и безжалостный человек, его боятся даже свои. Никто не может предугадать его реакцию и никто не догадывался, каким он станет, когда впервые полюбит.

Содержание

Глава 1. Батырхан	5
Глава 2. Батырхан	7
Глава 3. Ксюша	9
Глава 4. Ксюша	12
Глава 5. Батырхан	15
Глава 6. Батырхан	18
Глава 7. Ксюша	21
Глава 8. Ксюша	24
Глава 9. Батырхан	27
Глава 10. Ксюша	30
Глава 11. Ксюша	32
Гл	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

В объятиях его жестокости

Глава 1. Батырхан

Смотрю на мужика, который практически захлёбывается слезами. А я ничего ещё не сделал. Просто сижу и смотрю на это представление.

– Батыр, я всё верну, честно. Дай мне ещё немного времени, – в глазах мольба.

– У тебя было достаточно времени, чтобы вернуть долг. Но ты предпочёл делать ставки и спускать бабки. Верил в свою удачу? Или может в бессмертие? – достаю зубами сигарету из пачки, Асылжан подаёт зажигалку. Курю прямо в квартире, насрать.

– Нет, я просто... Хотел заработать больше, – вытирает сопли. Виталя-Виталя, вроде взрослый мужик, а мозгов как у амёбы.

– Так может работать надо было пойти, а не в карты играть, м?

– Я устроюсь на работу, обещаю. И всё верну. Пожалуйста, дай мне отсрочку, – встаёт на колени. Слабак.

Хата вся раздолбанная. Виталя проиграл вообще все, даже кота. Вот мы ржали тогда. Но кот красивый, живёт теперь на даче у Ромыча, мышей ловит. Люблю животных, а людей – нет.

– Даю последний месяц, Виталя. Если через тридцать дней не вернёшь четыреста штук, квартиру заберу, а тебя на свалку отправлю. Надоело ждать. Но сегодня я добрый, так что, живи пока, – бросаю окурочку в кружку с чаем и встаю.

– Четыреста тысяч?! Батыр, я же должен меньше, чуть больше ста, – ползет по ковру.

– Проценты, дорогой. Ты полгода меня обманываешь, некрасиво, надо заканчивать это.

Киваю Асылжану и выхожу из квартиры. Парни мои сейчас немножко помнут его, для профилактики.

Сажусь в тачку, Азамат сразу трогается. Ненавижу ходить к должникам. Вечно развозят сопли, ноют. Как будто я привел их к себе за руку и просил взять денег. Сами приходили и сами просили. Условия все знают. Как и последствия. Но как дело до выплат доходит, так сразу садятся на жопу. Ну, и куда это? Нельзя допускать беспорядок.

Жара, просто жуть. Лето в этом году не щадит. Люблю такую погоду, когда небо чистое, солнце высоко и палит. Сразу вспоминаю родные степи. В последнее время часто думаю о доме, которого уже нет давным-давно. Как бабушка корову доила и потом творог делала. Здесь не могу найти еду похожую на ту, деревенскую. Всё не то, всё не так.

– Давай к Зубу сначала, пожрать надо.

Азамат сворачивает на кольцо, машин тьма. Куда все едут в городе? В такую погоду надо на даче отдыхать или в реке плескаться. Надо бы съездить тоже, ополоснуться.

Терпеть не могу Зуба, мерзкий тип. Но деньги за крышу платит исправно. И девок нормальных приводит. Я не любитель по доступным ходить, но иногда надо снять напряжение, иначе совсем беда с головой. Я и так слишком дерганый. А нормальные рядом не водятся. Нахрен я нужен им.

В палатке сидят какие-то мужики. На дальнобоев не похожи. Не люблю чужих – это всегда опасно. Жизнь такая, не знаешь, когда она оборвется. То ли от пули, то ли от пера.

– Батыр, проходи, мы всегда тебе рады, – Зуб давит лыбу, а глаза бегают. Ссыт. Это хорошо.

– Принеси два шампура и что-нибудь холодное. Вчера нормальный квас был, тащи его, – сажусь в пластмассовое кресло.

Девяностые давно прошли, а в этих местах они будто расцветают. У Зуба такие бабки, на самом деле. Он мог здесь всё подшаманить и сделать по красоте. Но предпочитает существовать вот в этом. Плевать, платит и до свидания.

Азамат сидит рядом поникший. Он всегда молчаливый, но что-то не нравится мне в последнее время.

– Рассказывай, чем помочь? – закидываю ногу на ногу.

– Ты о чем? – поднимает глаза. Взгляд потухший. Это плохо. Азамат один из немногих, кому я доверяю. Он прошел такой ад, что даже для фильма ужасов перебор. Клинит его иногда, стараюсь вовремя реагировать.

– О том, что ты опять загрулся.

– Нормально всё.

Ложь. Но ладно. Посмотрим, что дальше.

– Здравствуйте, – справа раздается звонкий женский голос. Поворачиваюсь и вижу прекрасную нимфу.

Длинные темно-русые волосы собраны в косу, большие голубые глаза и веснушки. Формы все на месте. Хорошенькая. Новенькая видимо, не видел до этого.

– Как зовут?

Не дёргается. Не боится. Смотрит спокойно.

– Ксения, – ставит поднос на стол, расставляет тарелки перед нами.

– И что же ты здесь забыла, Ксения? – спрашиваю.

– Работаю, как и вы.

Интересное кино. Не дерзит, но мягко кусается.

– Как я, не надо тебе работать, сладкая. Девочки не должны батрачить как проклятые, – хмыкаю.

Ксения улыбается, а я залипаю. Приятно смотреть на нее. Здесь таких чистых нет. Эксклюзив прямо. Но странно, что она в этом гадюшнике работает. Так деньги нужны?

– А серьезно, почему устроилась сюда? Есть приличные места.

– Здесь вроде тоже ничего. А в приличные, как вы говорите, не берут, – заводит руки за спину.

Сидела что ли? Да не, не те повадки. Хотя Зуб к себе берет только таких. Они сначала официантками работают, потом он их в шлюшь царство заманивает. Деньги обещает и платит первое время. А потом девки не вылазят из-под клиентов, а он и половины не отдает.

– Почему не берут?

Азамат бросает на нее быстрый взгляд. Не рассматривает. Это хорошо. Дёргает меня уже, могу сорваться.

– Характеристика плохая, – вздыхает.

В тихом омуте черти водятся, я знаю. Но по ней совсем не скажешь, что проблемная. Ладно.

– Иди, – отпускаю.

Ксения отходит к барной стойке, берет поднос с заказом и относит мужикам за соседний стол. Наблюдаю.

Их трое, лет по сорок пять. Мацают ее липким взглядом. Девчонка одной рукой держит поднос, второй ставит шашлык на стол. Самый толстый шлёпает Ксению по жопе и так сильно, что она чуть не заваливается на него.

Пу-пу-пу. Как же зря.

Глава 2. Батырхан

Оказываюсь рядом с кучкой идиотов за два шага. Бью толстяка лбом об стол. Вся еда подскакивает и рассыпается по скатерти.

– Э, ты чё? – его дружок берет меня за локоть и отталкивает.

Хватаю стул и ударяю об его голову. Мужик валится на спину, руками закрывает лицо. Кровь стекает сквозь его пальцы, порезался о пластик. Стул разлетелся в щепки.

Третий придурок вскакивает и поднимает руки вверх. Бойтся? Правильно.

Толстяк кричит, держится за голову. Лист салата прилип ко лбу. Ситуация сюр, конечно. Куда смелость делась?

– Пошли нахрен отсюда. Ещё раз заявитесь сюда, сразу грохну, – пинаю стул, на котором сидит жирдяй. Ножка ломается и он падает.

– Да чё мы сделали? – пытается встать.

– Девку мою тронул. За такое могу руку отрезать, хочешь? – достаю нож. Мужик резко поднимается, глаза выпучил.

Сразу вспомнил Абая. История про Цыгана и отрезанные руки до сих пор ходит.

– Извини, я ж не знал, – заикается.

– Проваливай. И отбросов своих заberi, – поворачиваюсь к девочке, стоит бледная. Смотрит на меня испуганно.

– Больше не тронут. И никто не тронет, поняла? – подхожу ближе.

От нее пахнет чем-то цветочным. Сладко, но не приторно. Приятно. Ксения. Давно это имя не встречал.

– Спасибо, – практически шепчет. – Обычно всем плевать.

Знаю. Мужики редко заступаются, боятся дроздов получить. Но мне терять нечего. Я ничего не боюсь.

– Не за что. Если проблемы будут, говори. Решим, – иду к своему столу.

Азамат всё это время смотрел за ситуацией. Пока не позову, никто не вмешивается. Либо пока обстановка не станет критичной.

Садимся, шашлык остыл, но жрать хочется. В кафе тишина. После драки Зуб не подходит, наводит порядки. Ксения не выходит в зал больше, хотя мне надо ещё мяса. Вместо нее подходит другая официантка.

– Ещё желаете что-то?

– Ксюша где? – вытираю рот салфеткой.

– В подсобке, – тушует.

– Принеси ещё два шампура, – встаю на поиски Ксюши.

Нахрена оно мне надо? Но тянет. Испугалась что ли? Вроде не неженка. Хотя откуда мне знать, только увидел её. Вообще ничего не знаю о ней, а интересно. Зацепила, но чем?

Толкаю ногой дверь в маленькое помещение. При входе стоят ведра и швабры, за дверью что-то брякает. Ксюша сидит на коробке и держит себя за плечи.

– Нормально всё? – спрашиваю громче, чем хотел. Девчонка вскакивает испуганно, встаёт в позу, будто нападать собралась. Забавно.

– Нормально, – кивает.

– А не похоже, – подхожу ближе. Помещение и так маленькое, а с моими размерами, еле помещаюсь между стеллажами.

Ксюша смотрит в глаза, чуть хмурит брови. Волчонок. Такой взгляд у тех, кому нечего терять. Единственное, что у них есть – это они сами. Замечаю, что девчонка держит в руках зажигалку и сжимает кулак. Защищаться будет?

– Курить вредно, – киваю на зажигалку.

– Я не курю. Это так... память, – прячет руку за спину.

Рассматриваю Ксюшу слишком пристально, сам это понимаю. Но что-то в ней держит. Хочется смотреть и дальше. Потрогать бы ещё, но нет. Молодая слишком для меня. А я для нее слишком страшный.

– Вот и не кури. Увижу, пачку сожрать заставлю, поняла?

Ксюша почему-то улыбается и я замираю. Обычно на мои предупреждения в штаны ссут. А тут чего?

– Поняла, Батырхан.

В груди становится горячо. Меня редко называют полным именем. И никто не произносил его вот так. Приятно и непривычно.

– Откуда знаешь, кто я? – облачиваюсь плечом на стеллаж.

– Так все знают, кто вы.

Ну да, было бы странно, если бы работники не знали, кто их крышует. Но всё равно я чувствую какой-то... Не знаю, что это. Трепет? Заболел походу, продуло в тачке.

– Иди, работай спокойно. Никто больше не тронет, я пообещал, помнишь?

– Да.

Ксюша хочет выйти, но я занимаю всё место в проходе. Маленькая она по сравнению со мной. Смотрит с немым вопросом, отойду ли я в сторону. А мне впадлу. Нравится её присутствие.

– Можно пройти? – спрашивает. Сделает ещё шаг и совсем близко будет.

– Ну, попробуй, – встаю спиной к стеллажу и она быстро проскальзывает мимо. Касается меня грудью, и я хочу поймать её за талию, но вовремя себя одергиваю. Не нужны мне эти проблемы. Это всё... не для меня.

Глава 3. Ксюша

Забегая в туалет и брызгаю холодной водой в лицо. Этот мерзкий мужик, который ударил меня по ягодице, фу. Ненавижу таких «гостей». Ничего из себя не представляют, а думают, что короли жизни.

А Батыр... Вроде не такой ужасный, как про него говорили девочки. Бандит – сразу видно. Но заступился, а это такая редкость. Обычно такие как он пытаются зажать в углу и взять силой. Смотрю на себя в зеркало, глаза перепуганные. Я много что видела, но когда Батыр ударил их, труханула нормально так.

Пару дней назад, когда я только устраивалась, Зуб сразу сказал про Батыра и его людей. Что они крышуют это кафе, к ним надо относиться с особым почтением и вниманием. Нельзя, чтобы они долго ждали заказы. И лучше с Батыром не разговаривать, а то у него проблемы с головой и мало ли что он удумает. Возможно это всё правда, но пока что Батыр единственный, кто заступился за официантку. Вчера Катю три раза за грудь трогал гость и Зуб делал вид, что ничего не происходит.

Выхожу обратно в зал, кроме Батыра и мужчины, который пришел с ним, никого нет.

– Ксюш, отнеси шашлык им, – Вася ставит длинную тарелку с мясом и нарезанными овощами на барную стойку. Отношу за стол Батыра, стараюсь не разглядывать, но у него такая внешность, что глаза сами липнут. Мужчина невысокого роста, довольно широкий в плечах. В подсобке еле поместился между стеллажами. Похож на медведя. Ещё и хромает немного. Волосы черные, глаза раскосые. Слышала, что его ещё называют казахом, наверное, это из-за национальности. На лице нет живого места, всё в шрамах, горбинка носа немного смещена, будто нос сломан. Фактурный, конечно.

– Приятного аппетита, – хочу отойти, но Батыр поднимает взгляд и я будто прирастаю к полу.

– Спасибо, Ксюша, юбочка из плюша, – хрипло смеётся. – Сама ела?

– Эм... Да, конечно, – что за странные вопросы.

– Когда?

– Утром.

– А время, – достает телефон из кармана джинсов и нажимает на кнопку блокировки, – Близится к вечеру.

Что мне ответить? Что нет денег на лишнюю еду и приходится питаться один раз в день, в лучшем случае, два?

– Да, но я на работе, – стараюсь сохранять спокойствие, но его внимание выбивает из колеи. Какая ему разница, ела я сегодня или нет?

– Поешь, Ксю-ша. Не ходи голодной, – смотрит пристально, а у меня всё тело колет под этим взглядом.

– Не буду. Спасибо за... беспокойство, – мельком смотрю на сидящего рядом с Батыром мужчину, он заинтересован своей тарелкой. Батыр, видя мой взгляд, щурится, отчего становится ещё страшнее.

– Не доводи до того, чтобы я беспокоился. Это всегда плохо заканчивается, – отрезает.

Киваю и быстро отхожу к барной стойке. Ну какой же жуткий тип. Вроде не говорит ничего «такого», но нагоняет страх.

Мужчины поели и сразу ушли. Когда я убирала со стола, увидела две оранжевые купюры под салфеткой, на которой корявым почерком написано «Ксении».

Я никогда не получала таких чаевых. Мне хватит этих денег прожить месяца полтора. Я рада, но эти деньги от Батыра. Если их принять, значит ли, что я должна ему?

Гостей было немного на удивление, вечером мы ушли домой вовремя. Девочки рассказывали, что иногда приходится работать до утра, когда много людей. Шашлычка эта находится прямо на краю города, в промзоне. Зуб держит кафе и притон, в который постоянно зазывает мужчин. Здесь в основном останавливаются дальнбойщики, которые хотят поесть и провести время с девушкой. И приходят люди, как Батыр и его друг. Контингент не очень, но деваться некуда. Я хватаюсь за любую работу.

– До завтра, Ксюш, – Катя машет мне рукой и бежит на автобус. Она живёт в другой части города и если не успеть на автобус вовремя, можно идти домой пешком.

– Пока, – поправляю рюкзак за спиной.

Ноги гудят, но я хочу хоть немного пройтись пешком. Погода хорошая и прямо хочется подышать свежим воздухом.

В детском доме постоянно был шум, гам, разборки. И когда я выпустилась, долго не могла привыкнуть к тишине. А сейчас, заходя в квартиру, чувствую как эта тишина лечит хаос внутри меня. У меня нет ни телевизора, ни радио. Из посторонних звуков – только гул старого холодильника.

Разогреваю на плите зелёный борщ, осталось ещё на один раз поесть. Можно сходить в магазин и купить продуктов, но деньги от Батыра будто прожигают карман. Опасно это всё. Но и есть тоже хочется.

Ночью просыпаюсь от шума в подъезде. Не сказать, что у меня тихие соседи, но вот такого грохота, как сейчас, ещё не было. Смотрю в глазок, мужики дерутся. Трое стоят, а двое на полу возятся. Свет яркий в коридоре, только лампочку поменяли. Один из мужчин поворачивается к моей двери лицом и я вижу, что это Батыр. Сердце уходит в пятки, прикрываю рот рукой.

Батыр смотрит на мою дверь, потом на соседскую и отворачивается. Возня продолжается ещё минут семь, а после глухой звук, будто выстрел.

Дергаюсь.

Мужчины выходят к лифту, слышу, спускаются по лестнице. А этот так и продолжает лежать.

Жду несколько минут и выхожу из квартиры. В подъезде накурено, аж глаза режет. Подхожу к лежащему, он не дышит. Лицо разбито, даже на человека не похож.

Убили? Убили.

Надо вызвать скорую. Только хочу вернуться в квартиру, как из-за угла меня хватают за шею и прижимают к стене. Сжимаю кулаки, и подношу руки к груди.

– А кто это у нас? – Батыр давит, чувствую, что воздуха не хватает. Он щурится и когда понимает, что это я – резко убирает руку с шеи. – Сладкая, что ты здесь делаешь? – нависает, а я чуть не падаю в обморок. Какой же он пугающий.

– Живу здесь, – показываю рукой на приоткрытую дверь. Батыр поворачивается и какое-то время смотрит в мою квартиру. – Я хотела вызвать скорую.

– Не поможет ему доктор. Оставь, сами уберём, – разглядывает моё лицо и я начинаю дрожать. Батыр это замечает и кладет тяжёлые ладони на мои плечи. Сжимает и ведёт вниз по рукам. – Иди домой, а то замерзнешь.

Хочу уйти, но он всё ещё сжимает запястья. Больно. У него сухая горячая ладонь, кожа будто наждачка.

– Деньги забрала?

– Да, спасибо.

– Не за что. Иди, ночь на дворе, – наконец отпускает и я запрыгиваю в квартиру. Закрываю дверь на все замки, смотрю в глазок, Батыр стоит на том же месте и поджигает сигарету. Выдыхает в потолок и выходит.

Тру виски, пальцы холодные. Что только что случилось? Я стала свидетелем убийства? Такие, как Батыр не позволят рассказать полиции, загубят раньше, чем успеешь открыть рот. Да и менты не будут вмешиваться.

Сами уберём. Будто это мусор, а не человек.

Ложусь под одеяло, мёрзну, хотя на улице разгар лета. Хочу забыть, не нужно мне это, своего хватает. Но жизнь распорядится так, что я буду постоянным свидетелем жестокости этого человека.

Глава 4. Ксюша

Недели пролетают, не успеваю запоминать дни. Работы очень много, в кафе постоянно битком. Сейчас нет «чужих» гостей, только люди Батыра. Я знала, что у этой группировки много участников, но не думала, что настолько. Иногда они не вмещаются в зал и приходится часть столов выносить на улицу.

Если я на смене, Батыр всегда просит меня обслуживать его. Долго смотрит, спрашивает как дела и потом оставляет огромные чаевые. Мне ужасно неудобно, один раз я даже отказалась, потому что... Ну блин, я просто подношу ему тарелки с едой, ничего не делаю особенного. А мужчина разозлился, ударил по столу и засунул деньги в карманы моих штанов. Больше я не спорила.

Девочки смотрят косо на то, что он так меня выделяет. Спрашивают, есть ли у нас отношения. Но ничего нет. Батыр приходит поесть, я принимаю заказ и потом приношу еду. На этом всё. Зуб тоже поглядывает на меня с подозрением, что пугает даже больше, чем Батыр.

Сегодня у них очередное застолье, но Батыр не в духе. Много курит, ругается матом и пару раз врезал Зубу по лицу. Официанты напуганы, а Петя, наш второй бармен, сидит под барной стойкой и оттуда наливает напитки. Никто не знает, что случилось, да и вряд ли нам надо знать.

Моя смена только началась, с шестнадцати часов и до шести утра. Завязываю фартук, поправляю волосы, чтобы не торчали. Дверь в подсобку с грохотом открывается.

– Ксюша, выходи, Батыр ждёт уже, – Катя встревоженно смотрит в зал. – Что-то у них случилось, казах как с цепи сорвался, – вздрагивает, когда Батыр кричит. – Но будь осторожна, ладно?

– Ладно. Не переживай, всё будет хорошо. Он нас никогда не трогает, – выхожу из подсобки.

В зале человек двадцать. Угрюмые мужчины, которые вот-вот готовы достать оружие и кинуться в бой. Они мне напоминают стаю агрессивных бродячих собак. Хотя, про нас, домовских, тоже так говорят.

Батыр сидит за столом у барной стойки, рядом с ним приближённые – Асылжан и Азамат. Асылжан всегда ведёт себя как быдло, по-другому не скажешь. Свистит официантам, шлёпает девушек по попе и оставляет после себя свинарник. Да, мы должны всё убрать – это понятно. Но иногда он может в остатки шашлыка вылить пиво или квас, а сверху бросить салфетки. Когда я это вижу, хочется вылить ему за шиворот. Азамат, наоборот, спокойный, всегда молчаливый. Никогда не распускает руки и может даже убрать за собой. Мы его тоже опасаемся, конечно, но всё же он не такой, как Асылжан.

– Здравствуйте, что будете заказывать? – спрашиваю у Батыра и достаю блокнот из кармана фартука. Асылжан крутит в зубах зубочистку и громко цыкает. Какой же неприятный. Азамат уткнулся в телефон и кажется, вообще меня не заметил.

Батыр закидывает ногу на ногу, мажет по мне взглядом сверху вниз. Чувствую как пальцы на ногах поджимаются. Мне правда страшно, но *как* Батыр смотрит, это вызывает что-то ещё.

– Ксюша, принеси мне плов и... – переводит взгляд за меня. Оборачиваюсь, Зуб стоит между небольшим коридором в подсобку и залом. Он напуган, глаза бегают. – Чай. Сладкий, – наклоняет голову к плечу.

– Конечно, а вы что желаете? – спрашиваю у Асылжана, который всё это время наблюдал за нами.

– То, что он желает, Ксюша, расскажет другой официантке. Ты приносишь только мне, – последнее говорит с очень странной интонацией. Киваю и ухожу на кухню. Нет смысла с ним

спорить и пытаться объяснить, что так нельзя. За одним официантом закрепляется стол, а не один гость. Но у нас всё так, как скажет Батыр.

На кухне жарко и душно. Лиза – наш повар, практически всё делает одна. Она часто говорит, что болят руки таскать тяжёлые кастрюли и постоянно работать ножом, и Зуб нашел ей помощницу. Но Наташа появляется через раз и толком не помогает. У Зуба и Наташи, как выразилась Катя, «горизонтальные отношения» и поэтому девушка не выполняет и половину своих обязанностей. А Лиза всю кухню тащит на себе.

– Лиза, мне нужна тарелка плова для Батырхана, – заглядываю за холодильник, где женщина режет лук и смахивает слёзы. Чувствую, как и у меня слезятся глаза.

– Да, сейчас, – вытирает лицо полотенцем и отходит к огромному kazanу на плите.

– Ещё чай попросил сладкий, я могу сделать сама? – отхожу в сторону, потому что Катя залетает фурией.

– Лизонька, дорогая, мне нужно двенадцать порций оливье и четыре больших блюда с тушеным мясом, – облакачивается на дверь. – Чем раньше, тем лучше.

– Оливье ещё не готово, я не ждала их так рано. Ладно, сейчас, – Лиза суетится, – Главное накормить Батыра, остальные подождут.

Пока повар накладывает плов в тарелку, режет к нему салат из помидор и огурцов, я завариваю сладкий чай. У Батыра странная привычка, он просит сладкий чай именно в заварнике. То есть не размешивает сахар отдельно в кружке. И пьет из пиалы, а не чашки.

Когда Лиза всё приготовила, я ставлю блюда и заварник на поднос. Волнуюсь выходить, потому что он опять будет смотреть *так*.

В зале галдёж, мужчины вроде не ругаются, но очень эмоционально что-то обсуждают. Батыр развалился на стуле и крутит между пальцами сигарету. Заметив меня, подаётся вперёд и упирается локтями в стол.

– Приятного аппетита, – ставлю перед ним плов, салат и заварник с пиалой.

– Спасибо. Не выспалась? – заглядывает в лицо. Честно говоря, после того инцидента в подъезде, я и правда стала хуже спать. Но мы никогда не возвращались к этой теме и слава богу.

– Да нет, вроде. С чего вы взяли? – почему-то краснею. Батыр замечает моё смущение и его взгляд становится другим. Не мягче, не добрее, а наоборот.

– Вижу, что ты устала.

– Возможно, – пожимаю плечами.

Катя и Алиса бегают между столами, разносят заказы. А я просто сижу на тумбочке за барной стойкой и горю под взглядом Батыра. Он медленно пьет чай и не сводит с меня глаз. Асылжан рядом что-то говорит ему на ухо, он кивает, но как будто не сильно вслушивается. Станные ощущения. Батыр пугает своей властью и тем, что о нем говорят. Но при этом, мужчина ведёт себя со мной как человек и его внимание... волнуется.

Зуб неожиданно оказывается рядом и сгоняет меня с тумбочки. Придерживает нос рукой, из которого идёт кровь. Тянусь за пачкой салфеток, вытаскиваю несколько штук и подаю мужчине.

– Не запрокидывайте голову, – наклоняюсь чуть ниже и в этот момент Батыр с рыком зовёт меня.

– Ксюша! – подсакиваю на месте. Казах в ярости. Нет, он в бешенстве. – Подойди.

Асылжан странно улыбается, с насмешкой и какой-то опасностью. У меня на него всегда срабатывает кнопка «беги». Не успеваю подойти к столу, Батыр встаёт и хватает меня за руку.

– Не вздумай приближаться к нему, поняла? – сжимает кисть так сильно, что у меня немеет ладонь.

– Мне больно, Батыр, – тяну руку. Он опять меня разглядывает, как в ту ночь в подъезде. Глаза черные и злые. Губы напряжены в тонкую линию. Снова пытаюсь освободить руку и он переводит взгляд ниже. Ослабляет хватку и проводит большим пальцем по запястью, где

бешено бьётся пульс. От такой перемены, меня практически подбрасывает. Боль и нежность? Что за...?

– Я не хотел, – отпускает наконец. – Не прикасайся к нему, понятно? Не вздумай пачкаться.

Что он несёт?

– У него шла кровь из носа, и я... – Батыр сводит брови и его взгляд снова вспыхивает ненавистью.

– Даже если он подышать будет, ты не будешь прикасаться, потому что я так сказал.

Молча киваю. Неизвестно, что у него в голове и мне никогда это не понять. Потираю кожу на запястье, которое горит. Наверное, даже синяк останется. Батыр смотрит за моими движениями и вздыхает.

– Иди, – разворачивается, бросает деньги на стол, и выходит из кафе. Все мужчины сразу поднимаются и следуют за ним. Асылжан напоследок отвешивает Кате звонкий шлепок по пятой точке и со смехом уходит. Придурок.

– Ты в порядке? – Алиса подходит ко мне и кладет руки на плечи. – Болит?

– Немного. Всё нормально, – стараюсь улыбнуться. Никто не возьмёт деньги, которые положил Батыр. Все знают, что это только для меня. И если кто-то украдёт или попросит разделить, велика вероятность, что Батыр на это отреагирует плохо. А все хотят жить и быть здоровыми. Мне это не нравится. Все эти чаевые будто медленно затягивающаяся петля на шее. Я не трачу их, складываю в паспорт, мало ли что.

Мы почти час всё убираем в зале, сдвигаем назад столы. Я помогла помыть посуду, потому что Лиза зашивается, а все хотят уйти домой вовремя.

Захожу в подсобку, снимаю фартук. Достая из рюкзака чистую футболку, слышу сзади шаги. Не успеваю повернуться, меня бьют по голове. В глазах темнеет и плывет, говорю что-то не связанное. Меня толкают вперёд, падаю на коробки и отключаюсь.

Глава 5. Батырхан

– Что делать будем? – Азамат сжимает руль.

Хотел бы я знать.

– Пока понаблюдаем, а дальше видно будет. Если Асылжан сам не решит вопрос, придется мне.

Молчит.

– Ну, говори, – ложусь на спину на заднем сиденье. Спину ломит опять.

– Ты уверен, что Асылжан не гонит?

Не уверен. И это меня беспокоит, он практически правая рука, о многом в курсе. Авторитетом моим прикрывается на разборках. Но что-то как-то странно.

Асылжан завалился сегодня утром и сказал, что одна из девок Зуба стырила у него пачку денег и перстень. Он забавлялся с ней всю ночь, а на утро ни девки, ни денег, ни кольца. Это странно, потому что Зуб своих кормилиц учит важным понятиям и первое из них – никогда не обчищать клиентов. Потому что за такое ни он, ни я, ни любая другая крыша не станет впрягаться. И самое странное, девушку эту не могут найти. Грохнули? Но кто? И зачем? Да и там всего тридцатка была, маловато, чтобы устраивать мокруху. Зуб бы точно её не зажмурил, он не по этой части совсем. Скорее бы мне сдал.

Асылжан и Зуб вечно срут, что-то делают. Но по факту, у них совсем разное положение. Асылжан – тупая сила. Он не думает, сразу пускает в ход кулаки. И поэтому он рядом, иногда мне нужна его пустая башка и сильный удар. А Зуб – держит кафе и проститутток. У него есть некоторое влияние среди девушек и клиентов, но это ничего не значит. Не та весовая категория по сравнению с Асылжаном.

Сейчас Асылжан гонит на Зуба, что он специально подослал к нему девуку, чтобы та взяла ценные вещи. А Зуб же быканул на меня, что я таким образом попытался его скомпрометировать. Бред. Нахрен мне это надо? Но за гнилой базар получил по морде от меня. А как вспомню, что Ксюша к нему наклонилась, так и шею свернуть хочу.

Ксю-ша... Прикрываю глаза. Нельзя. Нельзя думать о ней. Но у нее такие глаза, а кожа...

– Предчувствие нехорошее, – Азамат возвращает меня из мыслей.

– У меня тоже. Надо найти девчонку эту, да узнать, что к чему. Может вообще денег не было никаких? А перстень потерял или забыл где. Но если всё-таки она прибрала к рукам, то головёшка Зуба слетит. Мы так не работаем, всё по понятиям должно быть, – встаю.

– Домой?

Если эти руины можно назвать домом, то да, наверное.

– Домой.

Азамат периодически смотрит в телефон, печатает. Раньше у него не было такой привычки, телефоном пользовался только для звонков. На светофоре приближает экран, следит за кем-то? Ну, по картинке очень даже похоже. Удивляет меня. Неужели девуку какую караулит? Не представляю его с женщиной. Он даже к доступным не ходит. Говорит, грязные, не хочет такое. Вот это одобряю. Но и обычные на него никогда не посмотрят. С его рожей переломанной только ворон пугать в огороде.

Ненавижу город, поэтому забрал у должника небольшой дом на окраине. Дача, не крутой особняк. Это единственное место, где у меня не слетает кукуха. В последнее время я стал слишком вспыльчивым. Найти бы покой, но его нет. И вряд ли когда-то будет.

– Давай, – хлопаю Азамата по плечу и выхожу из машины. Темно уже, но птички ещё поют. Кумарит меня этот невроз, успокоительные не помогают. От них я только сильнее психую.

Заваливаюсь спать не раздеваясь. В висках пульсирует, в мыслях... Ксения. Боится меня, но пытается быть смелой. Глаза не отводит, не дёргается. Нравится смотреть на нее, эмоции считывать. Веснушки эти. И волосы. Хочется сжать ее до хруста.

Раздается стук в дверь. Кого принесло в такое время? Менты бы не стучались, сразу мордой в пол и то, если бы рискнули. Азамат бы позвонил, да и Асылжан тоже.левой рукой достаю ствол из-под дивана. Подхожу к двери, за ней возня. Резко открываю дверь и приставляю дуло к голове названного гостя.

– Зуб, ты какого хрена здесь забыл? – давлю металлом в потный лоб.

– Подарок тебе привез. Батыр, не думай, что я специально Яну подложил под Асылжана. Она давно работала и всё знала. Это какая-то херня, клянусь, – болтает со скоростью двадцать слов в секунду. Спросонья еле соображаю.

– Подарок какой и зачем? – опускаю пистолет.

– Девчонку тебе привез, точно понравится. Спустишь напряжение, – переминается с ноги на ногу.

Может быстрый перепих всё-таки поможет? Не люблю я проститутток, но тут она сама пришла.

– Ладно, заводи. А по поводу ситуации этой, завтра перетрём, – открываю дверь шире и иду вглубь комнаты, замучил сушняк.

Зуб заводит девку, пока я выпиваю половину бутылки. Небезопасно стоять спиной к дверям, плевать.

– Вот, – Зуб пыхтит, я поворачиваюсь и ахриневаю.

Ксюша стоит на дрожащих ногах. Руки сзади, связаны? Глаза мутные какие-то, волосы растрепались. Смотрит на меня, но будто и нет.

– Ты засматривался на нее, и я подумал... – бросаю в него стул. Ксюша отходит и падает на пол.

– Сука, сука, сука! – пинаю Зуба, пока он, как уж на сковородке вертится. В глазах пелена ярости. Мудак, как посмел. Хватаю его за шиворот и бью головой об пол. Хруст, кровь, мне плевать.

– Батыр, – Ксюша жалобно зовёт. Поворачиваю голову, она лежит на боку, руки всё также сзади. Не плачет, но смотрит так, что я бросаю Зуба.

Чем ближе подхожу, тем сильнее расширяются её зрачки.

– Не бойся, – сажусь на корточки, тяжело дышу. Смотрю ей за спину, руки связаны тонкой веревкой, кисти синеватые. Достаю нож из кобуры, Ксюша пытается отползти назад. – Стой, я разрежу верёвку.

Пока освобождаю ее руки, Зуб что-то бурчит и я не сдерживаюсь, ещё раз пинаю его. Но этим всё не закончится.

Ксюша не двигается, затаилась словно зверёк. Снимаю верёвку, она подносит руки к груди, трет запястья. Ей больно и мне это не нравится. Девушка приподнимается и отползает от меня к стене. Боится. Очень боится. Трогает голову и морщится.

Набираю Асылжана. Он поднимает телефон на третий гудок. Бесит!

– Батыр?

– Заедь ко мне, увези Зуба в подвал.

– Не понял.

– Блядь, я на китайском выразился? Приедь и заberi, я сказал! – бросаю телефон на диван. Вытаскиваю Зуба на улицу, оставляю у дороги.

– Я не знаю, чем ты думал, родной, когда решил проверить это дерьмо, – вытираю плечом пот со лба. – Но ты сам вырыл себе могилу. Хотя я не уверен, что она у тебя будет. Поговорим завтра, а пока, – наклоняюсь ближе и смотрю в его разбитое лицо, – Отдохни, подумай. Может сможешь себя оправдать.

Возвращаюсь в дом, попутно вытираю руки грязным полотенцем.

Ксюша сидит в том же месте, но она без сознания. Твою мать. Глаза закрыты, голова чуть наклонена в бок, руки на коленях. Следы от веревки уже ярко-синие. В больницу не вариант ехать, далеко и нельзя мне светиться.

Не хочу, но приходится звонить. Отвечает не сразу.

– Да?

– Абай, помощь нужна.

Глава 6. Батырхан

Курю на крыльце, нервничаю. Асылжан забрал Зуба десять минут назад.

Перед домом останавливается старый крузак. Сначала выходит Абай, смотрит по сторонам. Столько времени не при делах, а замашки остались.

– Никого нет, только я, – спускаюсь по лестнице. Мы не друзья с Тимуром, но когда он отходил от криминала, передал мне дела на своей территории. Ушел в закон, что, наверное, и правильно. Учítывая, что он женился и Арина носила ребенка. Когда ты один, то не думаешь о других. Вертишься в этом и ждешь, что когда-нибудь свет тебе потушат. Это не страшно. Просто знаешь об этом, потому что факт неминуемый.

Тимур открывает пассажирскую дверь и оттуда вылезает Арина. Мы с ней познакомились до того, как они сошлись. Арина работала на скорой помощи и меня задело на очередном замесе. Зашила быстро и мы разошлись. Но я такие услуги не забываю, предлагал ей деньги потом, а она не взяла. Вообще от любой помощи отказалась. И вот я опять беру у нее в долг.

– Здравствуй, дорогой, – протягиваю руку, Абай жмёт в ответ.

– Не скажу, что рад тебя видеть, – хмыкает.

– Здравствуйте, – Арина держит в руках небольшую дорожную сумку.

– Посмотри девчонку. *Пожалуйста*, – киваю на входную дверь. Абай берет Арину за руку и чуть заводит за спину. Ревнивый придурок. Арина, конечно, красивая, но я не смотрю на чужих женщин. А она, так тем более, не посмотрит на меня. Между ними слишком всё серьёзно, чтобы мелькали левые люди. Но о ревности Абая знают все и никто с этим не играет.

Мы заходим в дом, Арина бегло осматривает комнату. Ну да, срач, извините. Здесь никого не бывает, а мне порядок не нужен. Да и условия приличные – тоже.

Арина натыкается взглядом на Ксюшу, осматривает ей голову и руки. Действует осторожно и профессионально, ни грамма сомнений. То, как Абай пожирает глазами свою жену, можно сделать вывод, что он всё такой же одержимый психопат.

– Нужно перенести на диван, – отходит. Абай смотрит на меня с прищуром. Я сам справлюсь, никто не будет её трогать.

Осторожно поднимаю Ксюшу, какая лёгкая. Приятно держать на руках. Но не когда она в отключке. Касаюсь носом волос и меня почему-то накрывают мурашки. Кладу девушку на диван, Арина что-то достает из сумки. Обрабатывает Ксюше запястья, накладывает повязку. Убирает волосы с её лица и замирает.

– Что такое? – сажусь на корточки. Арина показывает пальцем и я чувствую фантомную боль. У Ксюши за ухом портики на коже – шрамы от сигарет. Об нее тушили бычки. Я знаю, что это такое. Таким способом меня пытались сломать на зоне, когда показания выбивали. И это больно, очень. Но кто делает такое с девочками? С моей девочкой? Я же сломаю.

– Похоже на старые шрамы от сигарет, – Арина подтверждает мои мысли. – На голове сзади небольшая ссадина, обработаю сейчас, зашивать не нужно. Предполагаю, что сначала ее вырубili и потом она потеряла сознание от испуга. А руки, – достает мазь из сумки, – Нужно мазать несколько раз в день. И вообще, ей нужно в нормальные условия. Где есть вода горячая и нормальное питание. И врачу обязательно показаться.

Абай стоит позади Арины и сверлит меня взглядом. Ему не нравится, что они здесь. Мне, честно говоря, тоже.

Ксюша морщится и тихо стонет. Арина выпрямляется и чуть отодвигается от девушки. Я же чувствую, как мои мышцы напрягаются как тетива. Ксюша медленно открывает глаза, смотрит сначала на Арину, потом переводит взгляд на меня и вскакивает.

– Тихо, не волнуйся, – Арина кладет руку ей на бедро. – Меня зовут Арина и я врач. Ты потеряла сознание и Батыр меня позвал.

Ксюша смотрит Арине за спину и поднимает колени к груди. Ей страшно, но я не хочу, чтобы она боялась. Я никогда её не обижу. А если это сделают другие, то их жизнь оборвётся очень быстро.

– Это Тимур, мой муж. И он безопасный, – Арина говорит успокаивающе и вроде Ксюша на секунду расслабляется.

Насчёт безопасности Абая, я бы ОЧЕНЬ сильно поспорил, но, да. Девушек он никогда не трогал, да и сейчас вся его жизнь – это Арина и дочь.

– Ты отключилась и была недолго без сознания. Как ты себя чувствуешь?

– Голова немного болит и кружится, – Ксюша хрипит и я хочу укрыть её собой. – И руки жжет, – смотрит на перебинтованные запястья.

– Руки я обработала и дала мазь, – кивает на меня и глаза Ксюши ещё больше округляются. – Не тошнит? Как сильно кружится?

– Нет, не тошнит. Ну так, будто резко встала.

– У тебя на затылке ссадина, ее тоже нужно обработать. Позволишь?

– Нет, не надо. Спасибо, – пытается встать. – Вы и так много уже сделали.

– Уверена? Больно не будет, может только чутка пощиплет. – Арина настаивает.

– Да, уверена. Спасибо, – встает с дивана, путается в ногах и летит вперед, но я успеваю поймать. Ксюша на мгновение касается моих плеч и я прижимаю ее к себе. Видимо сильнее, чем следовало, девушка издает стон на выдохе. А у меня что-то щелкает в голове.

– Осторожнее, – Арина подпрыгивает и заглядывает Ксюше в лицо. – Побереги себя, не делай резких движений.

Ксюша кивает и убирает от меня руки, будто обожглась. Моя кожа горит и я хочу ещё почувствовать её прикосновения, но отпускаю.

– Мне нужно домой, где мой рюкзак? – поднимает глаза, смотрит и жалобно и с вызовом. Не девушка, а сплошная загадка.

– Не было ничего. Зуб вот так и привёз тебя, – отвечаю.

– Мне нужен рюкзак, Батыр, – мое имя дрожит у нее на губах и я сжимаю зубы от непонятной тяжести в груди.

– Остался в кафе скорее всего. Утром заберёшь, – беру пачку сигарет с тумбочки.

– Нет, там вещи. Надо забрать сейчас, – нервничает и я не могу понять, что происходит. Что за суета?

– Возможно кто-то может привезти? – Арина спрашивает у меня. Абай подходит слишком близко и мне хочется дать ему в морду. Если его жена стоит рядом с мужиком, это не значит, что он нагнет ее в ту же секунду. Хотя когда Ксюша приблизилась к Зубу, я мысленно расчленил его.

Набираю Асылжана, прошу привезти шмотки сюда. Ксюша вроде перестает нервничать, но всё равно дерганная.

– К врачу сходите завтра утром, голову нужно проверить, – Арина смотрит на меня, будто уговаривает.

– Сходим, всё нормально будет, док, – киваю им на дверь. Пора заканчивать болтовню. Ксюша пришла в себя и ладно. Мысль, что мы останемся наедине – терзает душу когтями. Не трону. Но это... она.

Выходим на улицу, Абай помогает жене сесть на пассажирское сиденье и закрывает дверь.

– Кто эта девушка вообще?

– Работала официанткой в кафе у Зуба. А он через неё решил свою жопу спасти. У Асылжана проститутка украла деньги и цацки. В напряге все были сегодня. Но Зуб же знает, чем может обернуться такое воровство. Вот и подумал, что хорошее дело сделает, – сплевываю. – Привез мне Ксюшу, чтобы я нужду справил. А я морду ему разбил.

– С каких пор ты рыцарем заделался? – закуривает.

Хмыкаю. Наверное, с тех пор как увидел её.

– Сложно сказать, – пинаю ногой камень на земле.

Абай смотрит на меня пару секунд и ногой тушит сигарету.

– Ладно, мы поехали. Нужна будет помощь, звони, – жмём руки и Абай садится в машину.

Только он закрывает дверь, Арина обнимает его за шею и они жадно целуются. Абай держит жену за затылок и всё это вызывает во мне странные ощущения. Не помню, когда в последний раз целовал женщину. Возможно... этого вообще никогда не было. Такие вещи всегда меня обходили стороной. Я трахал девок не раздеваясь, ставил на четвереньки и всё. Смотрю на Абаевых и думаю, что хотел бы также. Чтобы была привязанность. И вот это всё. Захотела бы Ксюша этого? Не уверен.

Возвращаюсь в дом, девчонка сидит на диване, голова опущена вниз. Так странно она выглядит здесь. В моей берлоге, в которую я никого не пускаю. И ей здесь не место. Как и в моей жизни. Я мог разложить ее один раз, а может больше. Утолить голод, только не в этом дело. Не ту жажду она во мне будит.

– Не отпустишь? – спрашивает тихо.

Снимаю ботинки, ложусь рядом. Ксюша прерывисто дышит, опять боится. На лице розоватые пятна. Испугалась она, конечно. Хрен знает, как они доехали и что Зуб ей наплел. Не плакала совсем, удивительно. Я ненавижу слабых людей, и эта её сила и стойкость, они прямо цепляют меня.

Смотрю. Пожираю глазами. Красивая. Нравится мне. И пахнет от нее приятно. И вся она такая, хочу подмять под себя.

Будь во мне хоть капля жалости, я бы отпустил ее. Со мной опасно быть. Смертельно. Но раз всё так сложилось, что она попала в мое логово...

– Не отпущу.

Глава 7. Ксюша

Батыр говорит это спокойно, но я слышу предупреждение. Или даже угрозу. Что он со мной сделает? Изнасилует? Не похоже, что он такой. Хотя то, что о нем говорят, изнасилование – это лучшее, что меня может ждать.

Его энергетика подавляет. Лежит рядом, а у меня от его присутствия горит всё тело. Холодно и жарко одновременно. Голова ещё мутная. Я очнулась по дороге сюда, Зуб не сильно заботился, чтобы объезжать кочки. Меня мотало на заднем сиденье из стороны в сторону.

– Раздвинешь ноги разок и всё. Он не будет жестить, – нервно кусает губы, – С тобой, так точно. Скажешь, что сама была не против. А это, – кивает на мои связанные руки, – Для антуража. Ты же подарок для уважаемого человека, банта не было, а для него и верёвки сойдут.

Вспоминаю слова Зуба и передёргиваю плечами. Бегаю глазами, рассматриваю комнату. Ужасный беспорядок и грязь. Видно, что Батыр живёт здесь один, без женщины. Грязные тряпки, невытая посуда. Всё валяется и наводит тоску. По ощущениям, я попала в передачу «Мужское женское».

– Не бойся, – Батыр хватается меня за талию и укладывает рядом с собой. Как не бояться, если это ОН? – Полежи, не буду трогать.

Но ты уже трогаешь. Меня бьёт мелкая дрожь, чувствую себя камнем, настолько напряжена. Голова побаливает, запястья пульсируют. Арина приятная девушка, но я не люблю, когда меня трогают чужие. После детского дома, когда постоянно нарушали личные границы, сейчас я воздвигла вокруг себя невидимую стену. И никому не позволяю себя трогать без разрешения. Но Батыру ведь не объяснишь, да?

Его тяжёлая рука лежит у меня на животе, придерживает. Давит. В поясницу упирается пружина дивана, что добавляет ещё больший дискомфорт. Вдыхаю. Мне страшно. Но Асылжан должен привезти рюкзак, в котором вся моя жизнь: деньги, документы, ключи. И ради него я подожду, потерплю.

Смотрю в потолок, чувствую пристальный взгляд Батыра. Он рассматривает меня и тяжело дышит. Зверь, который не знает, что делать со своей добычей.

– Ксюша? – Батыр зовёт тихо.

– М? – немного поворачиваю голову, но не смотрю на него. Мужчина шумно выдыхает и сжимает талию. Я вздрагиваю, но стараюсь не показывать свой страх. Как и странное чувство внизу живота.

– Повернись.

Приказ, не просьба. Поворачиваюсь на бок и мы оказываемся лицом к лицу. В комнате тусклое освещение, но я всё равно вижу его лицо. Некрасивый. Пугающий. Но почему-то притягивает. Не знаю чем.

Все разы, что я видела его, Батыр всегда был побрит. А сейчас время близится к раннему утру и на лице появилась щетина. Хочу потрогать эти колючки, но не двигаюсь. Мне кажется, это даст ему какой-то сигнал.

Батыр дышит глубоко и медленно. Его рука всё ещё лежит у меня на талии и он притягивает меня ближе. Сердце уходит в пятки, замираю. Мужчина молчит и это пугает ещё сильнее.

– Сладкая, – проводит носом по волосам. Если бы я была нормальной, то это бы не вызвало во мне трепет и возбуждение, да? Но у меня есть нарушения какие-то, потому что другого объяснения для такой реакции – нет.

Мы просто лежим. Батыр нюхает мои волосы, сжимает талию и ребра. Не пытается залезть мне в штаны, даже футболку не задирает. Постепенно я расслабляюсь от его близости и

тепла. От него пульсирует жар, который окутывает как одеяло. Согреваюсь. Кажется, что даже руки перестают ныть.

Засыпаю.

Просыпаюсь от мужских голосов. Открываю глаза, Батыра уже нет рядом. Он укрыв меня старой курткой, воротник которой пахнет затхлостью.

– Натянул уже крошку? – Асылжан стоит в дверях и улыбаясь кивает в мою сторону.

Батыр бьёт его в нос, Асылжан придерживает лицо руками. Из-под ладони стекает кровь и я резко сажусь. Сколько можно?

– За базаром следи, – закрывает дверь, оставляя помощника не улице. – Шмотки твои, – бросает рюкзак на диван. Открываю карманы, проверяю документы в первую очередь. Боюсь, что украли что-то, но всё на месте.

– Порядок? – садится рядом.

– Да, спасибо, – прижимаю рюкзак к груди. Батыр следит за моими движениями, глаза блестят.

– Не за что, сладкая. Жрать нечего, поедим в шашлычку нашу, потом в больничку.

– Мне нужно на работу.

– Не работаешь больше, – вытягивает правую ногу вперёд, достает телефон из переднего кармана джинсов, бросает его на тумбочку.

– Что? Почему? – откидываю куртку.

– Потому что я так сказал, Ксюша. Денег дам. И на пожрать, и на шмотки.

– Мне не нужны твои деньги, я в состоянии сама заработать, – только сейчас замечаю, что стала обращаться к нему на «ты».

– Не сомневаюсь, что можешь. Но не будешь, это не обсуждается.

Молчу. И злюсь.

– Что ты от меня хочешь?

– Всё, – смотрит пристально.

– Конкретнее, Батыр. Я со вчерашнего вечера не понимаю, что происходит. Зачем я здесь оказалась?

– Зуб хотел сделать доброе дело, но просчитался. И будет наказан за это.

Вздрагиваю. Не оправдываю этого придурка, но Батыр способен на ужасные вещи.

– Ладно, я зачем тебе?

– Понравилась, – ложится на спину. – Я тебя не отпущу, Ксюша. Сбежать не получится. Но если попробуешь, я все равно найду и верну.

– Батыр, я не проститутка, – голос дрожит.

– Я знаю.

– Тогда зачем?

Вздыхает недовольно и садится. Смотрит долго, берет мое лицо в руки и больно давит на щеки.

– Затем, что я хочу так. Тебя хочу. Насиловать не буду, бить – тем более. Я знаю, что ты боишься, но привыкнешь ко мне со временем. Деньги дам, защитой обеспечу. Ни одна тварь не подойдет и не обидит, – опускает руку ниже, на шею. Сглатываю и лицо мужчины искажается в зверином оскале. – Красивая, – проводит большим пальцем по шее и круговыми движениями гладит по яремной ямке. У него теплые шершавые руки и я горю от этих собственнических прикосновений.

– Что мне тогда делать? – смотрю на его плотно сжатые губы и чувствую странное желание поцеловать. Вот так начинается стокгольмский синдром? Или это что-то другое?

– Хрен знает. Ничего. Просто рядом будь и все, остальное я сделаю, – Батыр тоже смотрит на мои губы, но не прижимается. Он всё ещё давит мне на скулы, но будто не с целью сделать неприятно. А словно он не может рассчитывать силу.

– Мне больно, отпусти, пожалуйста, – Батыр поднимает взгляд и убирает руку. Тру щеки пальцами, мужчина внимательно наблюдает.

– Башка не кружится?

– Вроде нет, – вчерашние приключения напоминают только забинтованные руки, голова и правда не беспокоит.

– Хорошо, но всё равно к врачу съездим, – встаёт с дивана.

– К Арине? – обуваю кроссовки.

– Нет, Арина не работает в больнице. Это так, разовая акция была, – берет с тумбочки телефон и сигареты. Жаль, к ней на приём я бы сходила.

– Пойдем, дел много сегодня.

Батыр выходит из дома первым, оставляя дверь открытой. Мне остается только пойти за ним, другого выхода нет.

Глава 8. Ксюша

Перед домом стоит машина, за рулём Асылжан. Он придерживает нос платком и мне становится не по себе.

– Запрыгивай, – Батыр открывает заднюю дверь и кивает. Наверное, я бы лучше пошла пешком. Компания Асылжана мне вообще не нравится, но не спорю. Сажусь в прокуренный салон и чувствую, как от едкого запаха першит в горле. Батыр садится рядом, широко расставляет ноги и коленом касается меня. Отодвигаюсь, на что он коротко ухмыляется.

По дороге Асылжан молчит, но смотрит на меня в зеркало дольше, чем надо. Не нравится этот взгляд. Будто знает то, о чем я не в курсе.

Мы приезжаем в кафе рядом с вокзалом. Тут всегда много таксистов и полицейских, готовят вкусно и недорого. Когда мы заходим, все посетители перестают разговаривать и бросают на Батыра испуганные взгляды. Напрягаюсь, в детдоме это всегда был очень плохой знак.

– Не ссы, – Асылжан хрипит на ухо и я покрываюсь мурашками. Батыр идёт впереди и кажется, ему это даже нравится. Мы садимся за свободный стол в углу, Асылжан свистит официанту и мне хочется врезать ему по губам. Дикарь невоспитанный.

– Добро пожаловать, что будете кушать? – нерусский парень спрашивает с сильным акцентом. Бедный, косится на Асылжана и чуть не дрожит.

– Три чая. Чебуреки есть? – Батыр смотрит на официанта с каким-то снисхождением.

– Конечно, с сыром и мясом.

Батыр переводит на меня вопросительный взгляд, видимо, я должна выбрать.

– Один с сыром, – отвечаю. Парень кивает и бросает взгляд на мои запястья. Убираю руки под стол, не хочу, чтобы смотрели. Наверное, думает, что я вены пыталась вскрыть.

– Мало одного будет, – казах поднимает бровь.

– Нормально, я не могу есть много.

Знаю, что многие люди думают, что детский дом – это чуть ли не курорт. Игрушки, конфеты, внимание чиновников, бесконечная жалость. Но на деле, мы просто изгой, с которыми никто не хочет связываться. С нами плохо обращаются – это касается как человеческого общения, так и элементарного питания. А в каких комнатах мы жили, и в каких душевых мылись – не хочу даже вспоминать. Желудок посажен и поэтому я не могу есть много, иначе всё выходит фонтаном.

Батыр на мои слова кивает и заказывает им с Асылжаном по четыре мясных чебурека.

Озираюсь по сторонам. Чисто, но убого. Жёлтые стены с черными потертостями в местах, где люди соприкасаются плечом или спиной. На столах клеёнки с яркими цветами. Над кассой висит небольшой телевизор, где идёт незнакомый комедийный сериал.

– Пожрём и отвезёшь Ксюшу в больницу на Жукова, – Батыр кладет руку на спинку моего стула. Чувствую его близость и обнимаю себя руками. Мужчина незаметно касается носом виска и я вздрагиваю.

– Я нянька что ли? – Асылжан упирается кулаком в стол.

– Я могу сделать так, что нянька понадобится тебе, хочешь? – голос Батыра садится.

– Нет, но хрен ли я должен возиться с твоей бабой?

Становится неловко от этих слов. Странно, что я стала «бабой» в двадцать три года. И страшно, что я «его».

– Я сама схожу к врачу, не надо меня сопровождать, – поднимаю голову и натыкаюсь на черные раскосые глаза. Батыр давит взглядом, но я выдерживаю. Смотрю в эту бездну и хочу прижаться к его плечу, но мысленно отмахиваюсь от странного порыва.

– Сама ты можешь только дышать, Ксюша. Отвезёт тебя, базар закрыли, – отрезает.

Улыбаюсь на эти сахарные слова. Дышать я могу, видимо, пока ты не перекроешь воздух. Асылжан стучит пальцем по столу, что выдает его невроз. Рядом с ним некомфортно даже в присутствии Батыра, что будет когда наедине останемся?

Официант приносит заказ и мужчины съедают свои чебуреки за несколько минут. Как будто даже не жевали. Я же не могу так быстро. Слишком жирно и сытно. И торопиться тоже нельзя, иначе сведёт желудок и это хуже всякой другой боли.

– Ну чё долго так? – Асылжан подгоняет, а я чувствую, как еда встаёт в горле колом.

– Заткнись, – смотрит на меня с жалостью и мне хочется выплюнуть то, что у меня во рту. – Жди на улице.

Асылжан с психом выходит и хлопает дверью. Наверное, когда мы поедем к врачу, он меня прикопает где-нибудь по пути.

– Не торопись, никто не гонит, – Батыр допивает чай. Даже здесь ему принесли пиалу.

– Не смотри, пожалуйста, – прошу, когда мужчина снова меня разглядывает. Так и поперхнуться можно.

– Не буду, – садится ровнее и смотрит в телевизор. – После больницы сразу домой. А вечером я приеду.

Что? Ко мне домой?

– Зачем приедешь?

– Спать будем, сладкая. На днях хату присмотрю, там осядем.

– Я не хочу жить в другом месте, у меня есть своя квартира, – кладу чебурек на картонную тарелку и вытираю руки салфеткой. Наелась.

– Твоя квартира твоей и останется, но мотаться туда далеко. Все дела в другой части города, – кладет руку мне на колено и я сквозь джинсы чувствую жар его ладони.

Странно, конечно, обсуждать такие вещи с человеком, которого практически не знаешь. И всё, что знаешь о нем – огромный ред флаг.

– Батыр, как теперь это всё будет? Я не понимаю. Мне надо как-то планировать жизнь.

– Планируй с учётом того, что я буду неотъемлемой частью. Вечером поговорим, сейчас надо ехать уже. Доела? – сжимает колено.

– Да, спасибо.

– Не за что, мелочи, Ксю-ша, – произносит мое имя по слогам. – Сейчас в больницу, потом домой, поняла?

– Поняла.

– Умница.

Батыр пересел в машину к Азамату, а я с этим дьяволом еду к врачу. Асылжан молчит, но ему и не надо говорить, всё написано на лице. Смотрю на него в зеркало, лицо припухло от удара Батыра. Нос и до этого был немного в бок, наверное, получает не в первый раз. Даже не удивительно.

Прием у врача прошел быстро. Оказывается, меня ждали. Терапевт расплывался в любезностях и десять раз просил передать Батыру, что он посмотрел меня вдоль и поперек и назначил эффективное лечение. Но на самом деле, он сказал, что у меня нет сотрясения, небольшой ушиб. Руки мазать, как и советовала Арина. Выписал витамины и сказал больше бывать на свежем воздухе. Обычные рекомендации на все случаи жизни.

По пути домой Асылжан снова не произнес ни слова. Это хорошо, потому что я не знаю как вступать в словесную перепалку с таким человеком. Ты ему – слово, а он двадцать в ответ.

– Выплёвывайся, – говорит, когда почти подъехали к подъезду.

– Что?

– Да выходи из тачки, тупая или как?

– Не тупая, просто разговаривать надо нормально, – закидываю рюкзак на плечо и открываю дверь.

– Если думаешь, что ты с Батыром и всё теперь можно, сильно ошибаешься, – злобно бросает.

– А что такое? Хочешь быть на моем месте? – вылезаю из машины и хлопаю дверь.

– Ну ты и сука.

– Вот и завидуй, – забегаю в подъезд и чувствую, как меня аж подкидывает от злости. Почему нельзя нормально разговаривать? Понятное дело, что Асылжан из бандитского круга, но обычные слова всё равно должен знать. Вряд ли он со всеми общается вот так.

Наконец-то захожу в квартиру, закрываю дверь и оседаю на пол. Эта ночь была одна из самых страшных. Я привыкла к насилию, но это... Хочу просто забыть и смыть с себя.

Долго стою под душем, руки саднит от воды, кожу от веревок немного содрало. Выжимаю волосы, нет сил сушить феном, ложусь с мокрой головой. Засыпаю быстро и просыпаюсь от звонка в дверь. Сколько времени? Вечер, за окном уже солнце садится.

Смотрю в глазок, Батыр. Ну да, обещал же. Открываю.

– Спала? – заходит с пакетами. – Уже думал дверь ломать.

– Не надо ломать. Я уснула как пришла, – тру глаза.

Батыр ставит пакеты на пол и нависает надо мной. От него пахнет сигаретами и машинным маслом. Черная футболка натягивается на вздымающейся груди. Агрессивный, даже когда спокойный. Опять разглядывает, аж щеки краснеют. Притягивает к себе и сжимает так сильно, что выбивает воздух. Кладет ладонь на затылок, давит. Чувствую его каменное тело и ловлю какой-то трепет от того, что он так обнимает. Обмякаю под этой силой, касаюсь носом шеи, от чего мужчина ещё сильнее напрягается. Я не могу обнять в ответ, мои руки в тисках, но так тоже хорошо, что даже странно.

– Жрать хочу, сладкая. Разбери пакеты, – отпускает наконец.

Выкладываю продукты на стол, а он стоит сзади и молча наблюдает. По спине бегут мурашки, руки не слушаются. Его близость парализует и я не знаю, как себя быстро успокоить. Батыр подходит ближе, чувствую спиной жар его тела и теряюсь еще сильнее. Мужчина резко хватается меня за талию, вскрикиваю от неожиданности. Он давит, сжимает, будто проверяет на прочность. А я ловлю себя на ужасной мысли: мне страшно, но ещё страшнее – мне это нравится.

Глава 9. Батырхан

Ксюша нервничает и это заводит ещё сильнее. Она даже боится красиво.

Сонная, мягкая, домашняя. В синей пижаме и растрёпанными волосами. Поднимаю футболку, провожу руками по талии и животу. Она мгновенно покрывается мурашками, веду выше, натыкаюсь на небольшую грудь. Ксюша дёргается и откидывается мне на плечо. Кладу руку на тонкую шею и сжимаю. Вся в моих руках, в клетке, из которой не выбраться. Неправильно, но плевать. Нюхаю волосы и кусаю плечо, вскрикивает.

– Батыр, – дрожит. Не надо звать, я уже здесь. Кусаю мочку уха, снова сдавливаю шею. Чувствую, как ее пульс бешено бьётся, а сам еле держусь за щепки здравого рассудка, чтобы не взять прямо здесь. Но не так. Сама сверху сядет, без принуждения. Недолго ждать осталось. Ксюша ещё борется с собой, боится, но сдастся. Ведь я никуда не денусь, от меня не избавиться. В ушах гул, снова меня клинит. В глазах вспышки, голову ведёт.

Ксюша разворачивается и обнимает меня за шею. Это... приятно. И непривычно. Чувствую её пальцы на затылке и теряюсь. Нежности – это не про меня. Не умею ни давать, ни брать. От глотки до паха всё горит. Хватаю Ксюшу за лицо, давлю на щёки. Она смотрит на губы и тянется вперёд. Прижимается к моим, проводит языком и я не сдерживаюсь.

Сжимаю волосы у корней, запрокидывая ее голову назад. Сжимаю ягодицы, кусаю губы. Не поцелуй как в фильмах сопливых. Присвоение. Она сладкая и меня снова торкает. Больной, зависимый.

– Батыр, больно, – отталкивается от груди. В глазах слёзы, на губах... ранки от моих зубов. Блядь. – Ты слишком кусаешься.

Не отпускаю. Обнимаю крепче. Не умею я, твою мать, чтобы нормально было. Только через силу, через боль. Не умею лобызаться.

– Не буду больше, – провожу пальцами по длинным волосам. Мягкие. – Приготовь пожрать, я пока в душ.

– Хорошо, – отстраняется, в глаза не смотрит. Упустил важный момент? Спугнул? Ничего, наверстаю. Это не меняет того, что Ксюша – моя. Сломаю и соберу заново. Как и она меня. Уже что-то идёт не так. Меняется. Остаётся только то, что психоз мой становится более обостренным. Чувствую, сорвусь скоро, а это всегда катастрофа.

Ксюша уходит в комнату и я оглядываю кухню. Маленькая, почти ничего нет. Голая раковина торчит из стены, под ней мусорное ведро. Холодильник советский, плита «Лысьва». Столешница, сверху два ящика, небольшой стол, одна табуретка. Всё. Надо гарнитур купить нормальный сюда.

– Вот, – отдает полотенце. Иду в ванную. Мимо заглядываю в комнату, всё также пусто. Разложенный маленький диван, покосившийся шкаф и стол «бабочка» в углу. Нихрена больше нет. Обустроить надо.

В ванне зелёные крашенные стены, плохое освещение. Сразу нары вспоминаю, аж дёргает. Раздеваюсь, бросаю шмотки на пол. Тесно здесь, конечно. Вода смывает тяжёлый день, но грязь всё равно остаётся.

Зуб за свою тупость получил. В больничке теперь отлёживается. Помяли его. Не жалко, думать надо, хотя бы иногда. Он вроде не тупой мужик, но что-то пошло не так. И притон разнесли его. Девочек вывели, Асылжан с мужиками битами всё разворотили. Потому что Ксению мою напугал, следы оставил на ее коже. Как вижу синие запястья, так ещё раз позвоночник ему сломать хочу.

Вытираюсь и голым выхожу в комнату. Ксюша в коридоре останавливается и смотрит на меня глазами оленёнка. Ну давай, задержишь взглядом ещё немного, я и тебя раздену.

– У тебя нет татуировок? – спрашивает и возвращает взгляд на лицо. Могла бы и дальше смотреть ниже пояса. Чем природа наградила, тому и рады.

– А должны быть? – иду на кухню. Вместе с едой привез чистые вещи. Ксюша нарезала бутерброды, на плите варятся пельмени.

– Наверное, ты же... – замолкает.

– Кто? Договаривай, – достаю из пакета шмотки, натягиваю трусы.

– Лицо бандитской наружности, – отвечает.

Смеюсь. Так меня ещё не называли. Обычно говорят, что я псих отбитый и ублюдок.

– Не нужны мне эти портаки. Шрамов хватает, – подхожу к девчонке и беру за подбородок. – Откуда у тебя это? – провожу большим пальцем за ухом. Ксюша отворачивает голову и делает шаг назад.

– Не трогай.

– Кто сделал это? – кладу руку на плечо, смотрю как бьётся вена на шее. Хочу укусить, засос оставить. Ну точно больной.

– Неважно, это тебя не касается, – сжимает кулаки.

– Ксюша, меня теперь всё касается, сладкая. И это, – тыкаю пальцем на ее шрамы, – В первую очередь. Кто? Я накажу его.

– Некого наказывать, их уже нет в живых. Да и было это давно.

Их? Издевались толпой?

– А родители знают?

Ксюша меняется в лице, будто чувствует сильную боль. Отворачивается к плите, мешает пельмени. Не хочет отвечать?

– Ксю-ша, – сажусь на табуретку.

– А похоже, что они у меня есть? – разводит руками.

– Вообще никого? Детдомовская?

– Вообще никого, да, – остаётся стоять у плиты и подгибает ногу.

Теперь понятно, почему хата почти пустая. А на работу нормальную не может устроиться, потому что чудила в зверинце?

– На днях куплю мебель сюда, – тяну руку, она её перехватывает. Встаёт между ног, в глаза смотрит. Сжимаю ягодицы, шлёпаю. Мягкая, сочная. Фигура, что надо. Но я подожду. В трусах у меня ничего ждать не хочет, правда. Ксюша это видит и краснеет.

– Не надо ничего покупать.

– Почему?

– Не рассчитуюсь потом, – обнимает себя.

– А я сказал, что надо возвращать бабки?

– Батыр, все знают, как ты выбиваешь долги. У меня нет денег, чтобы вернуть хотя бы один процент из того, что ты потратишь на меня.

Вспыхиваю. Встаю, хватаю её за волосы и откидываю голову назад, чтобы смотрела прямо в глаза.

– Ксюша, не расстраивай меня, сладкая. Я прекрасно знаю, что обо мне говорят, но это тебя не касается. Всё, что ты от меня получишь – это не в долг. Еда, шмотки, защита, секс – всё будет, потому что я хочу это дать. Не смотри так, трахать тебя буду не как должницу, а как свою женщину. Ты сама будешь хотеть и уже хочешь, – её зрачки расширяются. Не верит, сомневается. – Ну, что не так? Рожей не вышел? Я знаю.

– Просто так ничего не бывает, Батыр, – голос дрожит. – Всегда нужно платить. Или телом, или деньгами.

Детдомовские замашки.

– Отчасти так. Расслабься. Никакой долг на тебя не повешу.

Надеваю джинсы, накидываю футболку. Выхожу в подъезд покурить. Гадкое чувство. Не должна она так думать. Ксюша изначально была другой. Я мог силой взять, сломать, запугать, но нет. Не с ней. Не знаю как вся эта лабуда в отношениях происходит, но задевает. Я же по-нормальному, почему так?

Глава 10. Ксюша

Мы лежим в одной постели, в опасной близости. Батыр снова меня сжимает и так сильно, что дышать получается с трудом. Мне тепло, но и потряхивает от страха. Он вроде не делает ничего такого, но я не могу расслабиться. Привычка не доверять никому, кроме себя. Не терять бдительность.

Батыр зарывается носом в мои волосы, рычит, вздыхает. Ведёт себя как маньяк и я от этого расплываюсь. Хочу сама трогать его, почему-то тянет, но как будто... Если отдалиться своим желаниям, то назад пути уже не будет. Хотя Батыр и говорит открыто, что он никуда не денется. Губы пульсируют после кусающего поцелуя. Было больно, практически до слёз. Но под этим звериным натиском у меня появилось приятное томление внизу. Как понять, что вообще происходит? Эмоциональные качели какие-то. И хочется, и колется.

Мы не спали полночи, Батыр всё никак не мог успокоиться. Трогал, гладил, кусал, сжимал. Кожа пульсирует по всему телу от его прикосновений. В конечном итоге я уснула у него на груди, под громкий стук сердца.

Батыр встал рано и сразу вышел курить. Я быстро умылась и начала готовить завтрак из продуктов, которые он вчера привез. Много всего и половины я никогда не пробовала. Чувствую себя странно. Это не подачка, Батыр сделал то, что сделал бы любой нормальный мужчина. Но по ощущениям, я всё ближе к тому, что клетка закроется и зверь, находящийся в её крошечной темноте, меня погубит.

– Ты чего встала? – садится за стол.

– Не знаю. Ты же встал, – ставлю перед ним гренки.

– Ну так у меня дела, а ты можешь спать дальше, – берет ломтик хлеба. – Давно не ел такое, вкусно.

У меня один стул на кухне и в комнате нет запасного. Вчера мы ели очень странно: Батыр сидел на табуретке, а я на его колене. Неудобно. Хотя мужчина наслаждался этим. Сейчас я бы хотела сесть на столешницу, но Батыр выставляет ногу и хлопает. Не хватает только команды «сидеть».

Сажусь к нему на колено, обвивает талию рукой. Тепло. Немного откидываюсь назад, Батыр прикусывает плечо и я кладу ладонь на его руку. Он сразу сжимает кулак до белых пятен. Смотрю на свою маленькую ладонь поверх его огромной кисти и это кажется красивым. Никто из нас не ест. Так и сидим, пока у Батыра из комнаты не зазвонил телефон.

– Вставай, – шлёпает по пятой точке. Возвращается злым и встревоженным. Уступаю место и он снова тянет меня на колени. Быстро доедает, давит на бедра и я ерзаю от неприятных ощущений.

– Не делай больно, пожалуйста, – прошу. Мужчина убирает мои волосы с лица, проводит большим пальцем по яремной ямке. Смотрит на шею и я сглатываю.

– Само получается, – шепчет. Батыр напоминает уличного пса, который никогда не знал человеческой ласки. Животное, у которого шрамы на мордочке, порванные уши, хромает и чуть что готов загрызть. И когда появляется человек, который не пугает и не пинает, зверь ластится и от переизбытка эмоций кусается. В этом мы похожи, я же такая же.

Беру его лицо в ладони, касаюсь губами щеки, чувствую как мужчина напрягается. Оставляю лёгкий поцелуй на плотно сжатых губах и отодвигаюсь. Батыр дышит тяжело, глаза горят и мне хочется улыбнуться. Приятно вызывать такую реакцию. Но справлюсь ли я с ней?

– Асылжан приедет днём, замерит кухню и на днях гарнитур привезут, – отпивает чай.

– А может кто-то другой приехать? – встаю.

– Что такое? – щурится.

– Асылжан меня ненавидит. Он слишком пугающий.

– Гораздо хуже, когда он любит, поверь. Не ссы, он знает свою работу и не тронет тебя, – отмахивается. Ну да, просто сразу прихлопнет как муху.

Батыр уходит через пятнадцать минут и я остаюсь один на один со своими мыслями. Я не привыкла сидеть дома, не знаю чем заняться. Помыла полы, закинула стираться постельное белье. Сходила в магазин за картошкой и сварила суп.

В обед пришел Асылжан и на удивление молча сделал замеры. Даже не посмотрел на меня ни разу. Когда он вышел из квартиры я прямо вздохнула с облегчением. Всё-таки жуткий тип.

Отсутствие работы вгоняет меня в тревогу. Когда постоянно бегаешь, хватаешься за любую возможность, время пролетает очень быстро. А сегодня день тянется и я уже устала от безделья. В детдоме за то, что ты лежишь днём на кровати или недостаточно усердно выполняешь задания, могли закрыть в маленькую «комнату наказания», как называли воспитатели. На самом деле, это было подсобное помещение по пути в подвал. Там было темно, сыро и очень мало места. Нас могли закрыть на час или на несколько дней. И когда ты побываешь в таком месте, то на всю жизнь запоминаешь, что нельзя бездельничать, это может плохо закончиться.

Дергаюсь от звонка в дверь. Кроме Батыра никто не может прийти. Смотрю в глазок – Азамат.

– Здравствуйте, – открываю дверь. Мужчина молча заходит.

– Одевайся, к Батыру поедem, – облокачивается спиной на входную дверь.

– Куда?

– В баню, – тяжело вздыхает.

– Я не поеду, что мне там делать?

Азамат склоняет голову к плечу.

– У тебя нет выбора, Ксюша. Ты в любом случае появишься там.

Такое чувство, что меня вызывают как проститутку. Но Батыр ведь говорил, что не думает так обо мне. Не нравится мне это всё.

– Я не хочу. У меня нет купальника.

– Он уже всё купил. Ещё раз, Ксюша. У тебя нет выбора, Батыр ждёт тебя и ты приедешь.

Твоя задача – успокоить его, потому что... – замолкает. – Неважно.

Успокоить? В гневе он неадекватный и они думают, что я смогу что-то сделать?

Глава 11. Ксюша

Наверное, Азамату тоже не хочется со мной возиться, как и Асылжану, но он не показывает этого. Всю дорогу до бани мы ехали молча, мужчина всё время держал телефон в руках и что-то проверял. Мне некомфортно в присутствии Азамата, но не страшно. Как будто из всей этой компании он более... нормальный?

Баня находится на отшибе, в промзоне. Я в этой части города никогда не была. Здесь какие-то предприятия, оптовые магазины и несколько саун. Мы останавливаемся у здания с вывеской «У Светланы», при входе стоят пьяные мужчины и спорят.

– Выходи, – Азамат снимает блокировку с дверей.

На улице тепло, но меня немного трясёт и морозит. Защитная реакция организма. Мне страшно, но я верю словам Батыра, что он не обидит и не сделает ничего против моей воли. Так ведь и будет, да?

Внутри всё более или менее красиво. Кожаные темные диваны, цветы, большой телевизор и стойка администратора. Девушка улыбается Азамату, а тот игнорируя её проходит дальше. Чем ближе подходим, тем лучше я слышу мужские голоса и женский смех.

Азамат открывает дверь и мы оказываемся в комнате с большим накрытым столом, такими же кожаными диванами и плазмой. Батыр сидит посередине, по одну сторону от него двое мужчин. А с другой – девушка закутанная в полотенце. Видя меня, она закидывает ногу на ногу и двигается ближе к Батыру. Чувствую укол ревности. Они...?

– Наконец-то, – Батыр отталкивает девушку и встаёт к нам. Он раздет до пояса, на бедрах висит белое полотенце. Мужчина поворачивается спиной и я цепляюсь взглядом за длинный шрам на правой лопатке. – Переоденься, – подаёт мне небольшой пакет. Открываю, а там жёлтый купальник. Позаботился всё-таки.

Справа приоткрытая дверь, где видимо бассейн и парилка. Слышу всплески воды и женский визг. К нам выходят две девушки, в одной из них я узнаю Дарину, мы вместе были в детском доме. Она тоже замечает меня и наигранно улыбается.

– Ксюха! Привет, подруга! – обнимает меня холодным влажным телом и я дергаюсь, неприятно.

– Привет, – отвечаю.

– Значит, и ты здесь? Я так и думала, – улыбается.

– Что думала?

– Ой, ну не оправдывайся. Все свои, – подмигивает.

– Я не проститутка, если ты об этом, – сжимаю кулаки.

– Ну да, рассказывай, – смеётся и садится на колени к одному из мужчин. Хочу возразить, но Батыр толкает меня в спину. Мы заходим в ещё одну небольшую комнату. Здесь кровать и два кресла. Больше ничего.

– Почему ты всем пытаешься доказать, что ты не шаболда? – выхватывает пакет из моих рук и бросает его на кровать. – Какая разница, что думают эти проשמандовки? – кладет руку мне на шею и чуть сдавливает.

– Потому что я не такая, Батыр. И это важно для меня.

– Я знаю, что не такая. Крысы могут говорить за спиной всё что угодно, но это не должно тебя волновать. Могу башку ей прострелить, хочешь? – смотрит на мои губы и тяжело дышит. Я видела на столе бутылки с алкоголем, но от Батыра нет запаха.

– Не надо, меня не настолько это задевает, – опускаю взгляд на его босые ноги. – Ты не пил?

– Нет, – отвечает удивлённо. – Хочешь напоить меня? – хмыкает.

– Наоборот. Увидела бутылки, а ты вроде трезвый.

– Я почти не пью, тогда совсем тормоза отказывают. А я и так на взводе сейчас.

– Почему? На взводе, – смотрю ему в глаза и не понимаю откуда у меня столько смелости. Батыр заметно напряжен, его как-то дёргает. Но ведёт себя нормально со мной. Вроде.

– Потому что иногда люди зарываются и думают, что они умнее. А по факту лажают так, что хер с этим разберешься. Я не прощаю такого, – ведёт головой в одну сторону, затем в другую.

– Вряд ли есть что-то, с чем бы ты не справился. Я думаю, – пожимаю плечами.

Батыр жжет глазами, под этим взглядом я опять чувствую изменения в теле. Кожа покрывается мурашками, пальцы колет. Хочу прикоснуться, но Батыр меня опережает. Снова этот кусающий поцелуй, от которого горят губы. Мужчина наматывает мою косу на кулак и резко запрокидывает голову назад. Шея открыта, он впивается зубами и оставляет засосы, проводит языком по яремной ямке, которую всегда трогает. У меня подкашиваются ноги от этого напора.

– Батыр, подожди, – сжимаю его плечи. Он отстраняется, губы влажные, глаза затуманенные. – Слишком грубо.

Кладу ладони ему на щеки, поглаживаю большими пальцами уголки губ и подбородок. Батыр сжимает талию, будто хочет сломать. Прижимаюсь к губам и осторожно провожу языком. Батыр рычит и стонет, но поддается и старается не спешить.

– Вот так, – шепчу. – Так приятней.

Батыр шумно выдыхает и бьёт кулаком в стену за мной. Дергаюсь, но не отхожу.

– Что такое? Не нравится? – спрашиваю и всё также касаюсь его губами.

– Нравится. Не знаю, – давит рукой на мой затылок. – Сделай так ещё.

Мы целовались до тех пор, пока у меня не онемели губы. Батыр несколько раз пытался забрать «управление» себе, но останавливался и старался быть нежнее. Ему это сложно даётся, но попытка подстраиваться – вынудила моих бабочек в животе вспорхнуть несколько раз.

– Давай, переодевайся и пойдем в парилку, – садится в кресло и широко расставляет ноги.

– Ты не выйдешь? – как-то я стесняюсь переодеваться при нем. Батыр вскидывает брови и ухмыляется.

– Нет, хочу смотреть.

Понятно. Мне проще подчиниться. Поворачиваюсь к нему спиной и снимаю одежду. Когда остаюсь в нижнем белье, слышу, как Батыр тяжело дышит через рот. По телу рассыпаются мурашки и я чувствую трепет от того, что вызываю у него такую реакцию. Переодеваю низ, а верхнюю часть не могу завязать сама.

– Эм... можешь завязать? – спрашиваю через плечо. Батыр весь мокрый, встаёт и на кожаной спинке кресла осталось влажное пятно от его спины. В комнате тепло, но не настолько.

Мужчина молча проводит пальцами по позвоночнику и я вздрагиваю. У него горячая кожа, которая будто оставляет отметины своими прикосновениями. Отвожу плечи и выгибаю спину.

– Блядь, – прижимается пахом сзади и обнимает. – Сладкая, я не хочу наломать дров. Пожалуйста, не провоцируй меня. Я и так, – кусает плечо, – Держусь из последних сил.

– Я попросила завязать купальник и все. Остальное ты додумал сам, – улыбаюсь.

Батыр замирает и больно шлёпает по попе.

– Оборзела? – завязывает верёвочки.

– Ну, если только немножко, – ухмыляюсь. Батыр хрипло посмеивается и ведёт меня в парилку.

Я никогда не была в таких местах, вроде чисто и не сильно облезло. В самой парилке очень жарко и душно. Три уровня лавочек, мы садимся на самую верхнюю. Чувствую, по телу стекает пот и волосы сразу прилипают к спине. Сворачиваю косу в высокую гульку и становится легче. Кроме нас никого нет и я рада. И так чувствую себя слишком неудобно. Батыр сидит рядом и прикрывает глаза. Кажется, ему нравится париться.

– Не мутит? – спрашивает не открывая глаз.

– Нет, но хочу уже выйти.

– Пойдем, – берет меня за руку. Дверь парилки смотрит на бассейн. Пару шагов и спуск в воду. Батыр ныряет в бассейн и подплывает к лестнице. – Иди ко мне.

Почему эти слова вызывают странные ощущения? Медленно спускаюсь и окунаюсь в воду по шею. Здесь довольно глубоко, но я умею плавать. Батыр подсаживает меня под попу и я обхватываю его ногами. Кажется, будто у нас отношения, как у нормальных людей. Обнимаю его за шею. Прохладная вода приятно остужает тело и я чувствую усталость. Хочу опять поцеловать Батыра, но нас прерывает девушка, которая сидела рядом с ним. У нее непозволительно откровенный купальник, всё видно настолько, что даже неловко. Она прыгает в воду и брызги летят на нас. Волосы сразу становятся мокрыми. Хочу слезть, но Батыр сильнее прижимает к себе.

– Тебе, наверное, скучно? – девушка кладет руку ему на плечо и я чувствую физическую боль где-то глубоко внутри.

– Карина, сломаю, – сбрасывает с себя ее руку, и не отпуская меня подплывает к лестнице. Я поднимаюсь и не знаю куда идти, но после увиденного хочу сбежать. Почему она прикасалась к нему? У них что-то было? Сегодня?

Батыр накидывает мне на плечи свое полотенце и заводит в комнату, в которой я переодевалась. Мне очень хочется плакать, не знаю почему. Он разворачивает меня лицом к себе, поднимает голову за подбородок и я не сдерживаюсь.

Слёзы идут сами, не могу остановить. Внутри всё горит от ревности и боли, которую я не понимаю. Так не должно быть. Батыр смотрит на меня молча, а потом с размаху ударяет кулаком в стену. Гнев настолько искажает его лицо, что он становится непохожим на себя.

Было спокойно, а стало опять страшно. Что сделает дальше, ударит меня? Или сразу убьет?

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.